

**Запись школы общины с Хулианом Карроном
Милан, 24 января 2018 г.**

Текст: Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 191–197

- *Si jamais j'oublie*
- *La strada*

Слава...

Veni Sancte Spiritus

Что должно было случиться с автором первой песни, *Si jamais j'oublie*, о чем она не хочет забыть? «Если я вдруг забуду... напомни мне, кто я и ради чего живу. Если я забуду, как удирала со всех ног, если снова решу сбежать, напомни мне, кто я, напомни мне, кто я». Какая драма – открыть, кто ты, и нуждаться в человеке, который напомнит тебе об этом в изменчивых обстоятельствах жизни! Только люди, знакомые с таким исходным опытом, в состоянии понять значение того, о чем мы читаем на школе общины: у нас есть место, где нам сообщается истина о нас, где эта истина вновь и вновь пробуждается, чтобы в нас не побеждала забывчивость. Без него мы окажемся в полной пустоте. Именно поэтому так прекрасна дорога, по которой мы идем! Только пребывая в таком месте, как говорится в тексте школе общины, мы узнаем истину о самих себе, не какую-то отвлеченную истину, а тот невыразимый всеохватный трепет, благодаря которому я становлюсь самим собой, на опыте понимаю, кто я, и желаю никогда не утратить этот опыт. Вот истина, доносящая до нас Церковью, проникающая в нас, если мы живем в церковной общине, «как бы под непрерывным осмотическим давлением», просачивающаяся в нас «день за днем сквозь мембрану нашего сознания» (ср. С. 191). Но если мы забываем о первом моменте, о трепете, охватившем нас, когда мы осознали, что такое наше «я», все, о чем мы читаем, превращается лишь в дань общине, которой мы принадлежим, и вместо того, чтобы видеть в этом великую благодать (как пелось в песне), мы задыхаемся. Но такой взгляд вовсе не самоочевиден, о чем свидетельствует письмо от человека, живущего на другом краю света (он, конечно, не мог сегодня приехать сюда и выступить лично). «Читая страницы книги “Зачем Церковь”, над которыми мы работаем, я с трудом улавливаю связь между прочитанным и тем, к чему я призван в повседневной жизни. Очень интересно узнать, что такое догмат, особое учительство папы *ex cathedra*, кто для христианской общины является авторитетом (в разных смыслах слова). Но как мне соотнести все это, например с работой, которой я занят в настоящий момент? Мне словно не удастся понять, в чем польза этих знаний. Я не хочу принижать их значение и прошу тебя о помощи». Оставим вопрос открытым. Возможно, он возник у многих из нас: как текст связан с жизнью? Какой от него прок для жизни? Эти вопросы не так уж далеки от всех нас. Посмотрим, станет ли сегодня яснее, в чем его польза. Так мы лучше разберемся в том, о чем друг другу рассказываем. Джуссани, чтобы нам проще было увидеть, как истина передается в Церкви, использует образ – говорит об осмосе. Это всего лишь образ, имеющий свою ценность, которую, однако, не нужно преувеличивать, закликаясь на деталях, поскольку иначе образ станет важнее того, о чем он нам говорит. А говорит он о том, что достаточно просто находиться в определенном месте, не прилагая особых усилий, и при этом участвовать в происходящих там событиях. И все-таки образ сразу же вызывает у нас реакцию. Один человек сказал: «Я боюсь этого осмоса, ведь есть риск, что он будет происходить без моего участия». Мне тут вспоминается, как один старшеклассник после моей лекции о чудесах, которые ученики Иисуса наблюдали изо дня в день, сказал: «Я бы поостерегся. Мало ли, еще привязался бы к Нему слишком сильно». Другим людям, наоборот, кажется, что осмоса недостаточно: «По-моему, это несколько

пассивный образ в сравнении с работой, к которой ты постоянно нас призываешь, с необходимостью всегда сравнивать и проверять все в опыте». Посмотрим, получится ли у нас разобраться с этими вопросами.

Я хотела попросить у тебя помощи в связи как раз с тем, о чем ты сказал. Прочитаю отрывок из текста, который вызвал у меня больше всего вопросов. «Когда мы погружены в церковную общину, живем в ней, истина, как бы под непрерывным осмосом, незаметно, проникает сквозь мембрану нашего сознания. Так достигается непреложность и ясность истины, в которой человек нуждается, чтобы справляться с жизнью» (ср. С. 191). Я прочитала эти слова и не смогла продолжать, потому что они вызвали у меня кучу вопросов. Я в общине уже много лет, но тем не менее и сегодня моя повседневная жизнь полна реальных забот и тревог, мыслей. Ты проживаешь каждый день, вкладываешь в него все твои силы, всю решимость, всю себя, но часто, возвращаясь вечером домой, смотришь на себя и чувствуешь, что твое самосознание не окрепло, а стало слабее. И это, как мне кажется, противоположно непреложности и ясности истины, о которых говорит отец Джуссани и которых мне бесконечно хочется достичь...

Понимаете, почему автор первой песни просит, чтобы кто-то напомнил ей, кто она? Нам невероятно повезло, мы можем вот так встретиться, как сегодня. Представьте себе, какой драматичной должна быть жизнь человека, который понимает, что у него в этом мире никого нет.

Тогда я спросила себя, в чем загвоздка. Мне недостаточно быть в общине, если меня «нет», мне недостаточно быть в ней машинально, недостаточно просто «вариться» в ней. Меня всегда поражает твое напоминание о реальной опасности того, что у нашей веры может появиться срок годности. Каждый раз, когда ты это говоришь, у меня слегка подкашиваются ноги, ведь говоришь ты это нам, людям, живущим в общине. Может, ты обращаешься и к другим тоже, но в первую очередь к нам.

Я говорю это себе!

И я понимаю, что это не пустые слова, такой риск действительно существует, и я замечаю доказательства в моей жизни. Ослабление сознания, о котором я говорила раньше, – одно из них. Кроме того, порой пребывание в общине в конце концов атрофировало мое сердце: даже в ней спустя какое-то время тебе может стать тесно. Проблема очевидным образом заключается во мне. Отец Джуссани говорит, что истина проникает в нас, если проходит сквозь мембрану нашего сознания.

Отлично. Видите, когда жизнь припирает нас к стенке, мы начинаем замечать в тексте отдельные фразы, которые что-то нам подсказывают и помогают найти ответ на наши вопросы. Повторим: истина должна проходить сквозь мембрану нашего сознания, и это не случается автоматически.

Совершенно верно. Но как раз в связи с этим у меня я и спрашиваю себя: что пробуждает мое «я», что приводит в трепет мембрану моего сознания, благодаря чему я позволяю истине проникнуть в меня, чтобы осуществлялось то, о чем говорит отец Джуссани, чтобы я могла достичь уверенности и созидать саму себя? Именно тут мне и нужна помощь.

Кто ответит?

Отойдя от первого, довольно сильного впечатления от абзаца про обычное учительство, я осознала, насколько он связан с жизнью, с «обычной» жизнью, как говорится в тексте. Помогли мне в этом лекция начала года и твоя настойчивость в отношении нищеты. Поясню. В последнее время я часто замечала в себе новый взгляд на людей и обстоятельства, новую позицию, о какой и помыслить не могла. Для меня несомненно, что подобная новизна рождается и умножается благодаря моему пребыванию в нашей компании, то есть в Церкви. Идеальное, с научной точки зрения, описание осмоса помогло мне понять, как именно она укрепляется во мне. В любом примере осмоса требуется разница потенциалов (давления, концентрации и т. д.). Без нее осмос невозможен, система остается в равновесии и ничто не движется. Я заметила, что только когда во мне есть нищета, когда есть качественный перепад, когда я позволяю ему иметь место, – только тогда возникает осмос и в мою жизнь может войти новизна, новизна, которую я наблюдаю на лицах многих моих друзей и которая становится и моей. Такая нищета, позиция безоружности перед лицом компании и всей реальности – действительно единственный шанс, что что-то произойдет. Мне вдруг стало ясно: именно в силу осмотического давления нищета позволяет мне быть по-настоящему самой собой и, в некотором смысле, становиться главной героиней моей жизни. Осмос не происходит автоматически, не влечет никакого отчуждения. Я это понимаю, поскольку часто кажется, будто пребывание в компании и верность тому, что нам предлагается, не несут в себе никакой новизны. Стоит случиться неприятности или разочарованию, и мы заключаем, что все в конечном итоге было бессмысленно (о чем ты постоянно нам повторяешь). Но такое суждение рождается у меня, когда я «все уже знаю», когда не признаю качественного перепада. Напротив, принимая существование драматического различия между мной и таинственностью нашей компании и всей реальностью, я вижу, как в мою жизнь входит новизна, выражающаяся по крайней мере в новом осознании меня и реальности и сопровождающаяся немыслимой свободой, в том числе и перед лицом ошибок – моих собственных и других людей. Вот почему, когда в обстоятельствах я оказываюсь безоружной и бессильной, мне не страшно, и качественный перепад даже становится желанным. Я понимаю, что не одна, поскольку «нищета духа – знак того, что Он грядет, что Событие происходит со мной сейчас», как ты говорил в лекции Дня начала года.

Объясни нам еще раз, в чем заключается разница потенциалов.

В перепаде между мной и реальностью, который я ощущаю. В различных жизненных обстоятельствах я вижу, насколько я несоразмерна, как многого я желаю и как мало из этого может быть достигнуто в непосредственном отношении с реальностью, с моими студентами, с наиболее близкими мне людьми. И я поняла: простое признание того, что такой перепад существует, позволяет занимать иную позицию, и в отношении с компанией ты воспринимаешь другого как отличного от тебя – тут ничего не подделаешь, другой есть другой. Признавая свою несоразмерность, я как бы обретаю возможность действовать, и Он входит в жизнь. Самое замечательное – в том, что я не чувствую себя одинокой...

Почему?

Потому что такой перепад, такую драматичную несоразмерность создаю не я. Более того, порой я желаю, чтобы они были, но мне не удается их достичь. Я должна их выпрашивать.

Разница потенциалов заключается в том, кто я и что такое Церковь. Именно так мы можем понять, что такое Церковь и что она несет в себе, и какова разница потенциалов между Церковью и моей нуждой. Мы не равнозначны, я и Церковь; Церковь, постоянно пробуждает меня, порождает во мне нищету. Вспомните, сколько раз за последнее время мы говорили

о Безыменном. В чем заключалась разница потенциалов в его случае? В том, что он, несмотря на все совершенные им ошибки, встретил что-то совершенное иное, благодаря чему смог сказать: «Теперь я узнаю себя, понимаю, кто я» Эта разница потенциалов высвободила в нем бесконечную нищету, и он готов был упорно стоять под дверью кардинала, подобно нищему. Благодаря такой нищете мы можем понять, что такое Церковь, какую инаковость она несет миру. Христос радикально отличается от нас и порождает в нас нищету, позволяющую Ему войти в нашу жизнь.

Нищета – не мое усилие.

Именно. И поэтому каждый должен лично это открыть в собственном опыте, а иначе все останется лишь на словах и будет вызывать в нас сопротивление. Почему? Мне часто приходит в голову то, о чем напоминал нам папа Бенедикт в энциклике *Spe salvi*. «Прогресс, при котором к достижениям прошлого добавляются достижения настоящего, возможен лишь в материальной сфере. <...> В области же этического знания... [и отношений] подобной возможности суммирования нет – по той простой причине, что человеческая свобода является всегда новой и человек должен принимать свои решения каждый раз заново. Другие просто не могут принимать их за нас» (24). Ничто не происходит машинально, не может происходить машинально. Вот почему отец Джуссани так недвусмысленно говорит о сознании. Если Господь избирает меня, чтобы явить Себя, если Он вытаскивает меня из моей рассеянности и вновь делает меня нищим, – если Он делает все это, а я не возвращаюсь к истинному осознанию себя и раз за разом не впускаю Его, Он не в состоянии войти в мою жизнь. Мы можем быть свидетелями тысячи чудес, как фарисеи, но при этом не впускать Его в жизнь. Нельзя сказать, что фарисеи не видели разницу потенциалов, однако мембрана их сознания не пропускала Его. Вот почему мы говорим об осмосе как об образе и подчеркиваем, что он не предполагает никакого автоматизма. Нужна трещина, перепад, который позволит войти в нашу жизнь чему-то иному. И тут, слава богу, начинается драма нашей свободы. Хочу успокоить тех, кто боится осмотического давления: никакой проблемы попросту нет. Не беспокойтесь, ничто в нас не проникнет, если мы того не желаем. Тайна не пользуется твоей рассеянностью, чтобы пробраться твой дом. Она входит в него, только когда ты сознателен. Мне кажется, это крайне важный момент, без которого все превращается в автоматизм, и мы думаем, будто достаточно пригреть себе место в компании. Это и есть формализм, о котором мы говорили в последние годы. На самом же деле нужна наша открытость (ты использовала слово «нищета»), чтобы новизна могла проникнуть в жизнь. Вот драма нашей жизни.

Когда я читала про особое учительство, меня особенно поразили следующие слова отца Джуссани: «Когда в Церкви провозглашается какой-либо догмат, он никогда не является плодом сиюминутного суждения или непродуманной реакции. Происходит скорее нечто сродни тому, что переживает каждый из нас, когда мы долго вынашиваем какие-то впечатления, или убеждения, или догадки, и в определенный момент благодаря особо значимой встрече или событию мы ясно их осознаем и выражаем. Ибо жизнь Христа в истории Церкви – это жизнь в развитии. Все богатство истины – это Христос. В жизнь Церкви входит все более ясное осознание того, что принес в нее Христос, а значит, того, что есть в ней самой. Формулирование догматов совпадает с этим качественным скачком в сознании Церкви, а следовательно, и в сознании входящих в нее людей» (ср. С. 195). Я заметила, что для меня это тоже верно. Во мне действует та же динамика, которую описывает Джуссани. Я тоже постоянно нуждаюсь в том, чтобы осознавать происходящее со мной. Приведу один пример. Недавно на воскресной мессе крестили совершенно незнакомого мне ребенка, и я неожиданно растрогалась. Одна мысль пришла мне в голову: «Неужели я действительно здесь? Неужели я, именно я, сегодня утром проснулась, оделась и первым делом пошла сюда,

чтобы навестить Тебя в Твоем доме? Кто же Ты для меня, что я свободно решила прийти? Может ли быть, что я люблю Тебя больше, чем сама подозреваю? Я не знаю толком, как это объяснить, но в тот момент я вдруг ясно осознала, что моя личная история пропитана отношением с Ним и что часто, погружившись в мои мысли и представления о себе, я этого даже не замечаю. То же предчувствие возникло в моем сердце, когда я смотрела на того незнакомого ребенка: «Неужели я действительно взволнована оттого, что этот ребенок становится Твоим? Кто же Ты для меня, что меня трогает мысль о том, как он сможет радоваться отношению с Тобой? Ты привлек меня к Себе. Я знаю Тебя. Уже этот факт показывает мне, насколько моя жизнь усеяна знаками Твоего присутствия, без него я сегодня не была бы здесь и не ощущала бы бесконечной взволнованности при виде этого ребенка. Таким образом во мне зародился новый вопрос: «Действительно ли я могу сказать, что моему сердцу достаточно Тебя?» В то мгновение я подумала о моей жизни, о людях, сопровождающих меня на жизненном пути, о тех, кем отмечена моя личная история, кто был призван вместе со мной. И внезапно мне пришло в голову: «Я счастлива, я благодарна за то, что есть в моей жизни». Это сознание в один миг «бросило вызов» всем моим идеям о моем свершении (я в мои годы еще не замужем, еще не сделала блестящую карьеру и т.д.). Думая о тех людях, я заметила, что благодарности за Его компанию, господствующей в моей жизни, достаточно, чтобы я была счастлива. Конечно, все вопросы обо мне никуда не деваются, но меня невероятно поразило, что, заметив, как я уже сейчас благодарна за все, что есть в моей жизни, как я от этого счастлива, я удивилась, удивилась сама себе. В том числе и потому, что в другие моменты, когда я погружена лишь в собственные мысли и представления, во мне побеждает жалоба. Этот маленький эпизод потряс меня и пробудил во мне еще большее желание узнавать, осознавать то, что происходит в моей жизни, всегда подчинять разум опыту: я уже знаю Тебя, в моей жизни есть все знаки Твоего присутствия, но мне просто необходимо научиться видеть, что Тебя уже достаточно, что я уже радостна и «полна», научиться все ставить на эту радость. Я постоянно падаю, но у меня уже есть все! Важно все лучше познавать то предчувствие, что вдруг возникло у меня, познавать радость, уже существующую в моей жизни. Я могу утверждать, что то, чего достаточно моему сердцу, существует, поскольку со мной уже это произошло: у меня уже все есть, у нас уже все есть! Нужно только все больше сознавать это. Просто невероятно! Я первая порой принимаю это «все», уже охватившее меня, как нечто само собой разумеющееся, поскольку моя жизнь насквозь пронизана отношением с Ним и такая мысль кажется почти естественной, но это не так, так не было бы, не будь оно столь реальным.

Когда мы все более сознательным образом участвуем в жизни Церкви, такое простое событие, как крещение ребенка, может пробудить в нас подобное самосознание. Сколько раз все мы видели крещение и ничего не ощущали?! Когда же человек следует за тем, что его поражает, он понимает: столь глубокое потрясение, изумление – это способ, с помощью которого Христос являет Себя в настоящем, позволяет мне узнать Его. Именно так божественное входит в мою жизнь, достигает меня. «Я знаю Тебя». И в то же время – мы постоянно это повторяем – на этом знакомство с Ним не заканчивается. Нет, откровение делает Его Тайну более явной. Так в нас пробуждается желание все больше учиться смотреть на произошедшее с нами, смотреть на Тебя, Христе. Вот каким образом Церковь помогает нам познавать самих себя, познавать Его, и делает возможным опыт, не сравнимый ни с чем другим. Какая благодать – говорить: «То, чего ищет мое сердце существует, потому что это со мной произошло!» Не потому что я молодец, не потому что я достиг неких высот, а потому что со мной это произошло, тогда как многие люди по-прежнему ищут, пытаются нащупать то, благодаря чему жизнь становится жизнью). Вот что сообщает нам, в том числе и нашему другу, который написал мне с другого края свет, Церковь. И благодаря этому даже отдельное мгновение становится чарующим.

Меня очень поразил текст школы общины, особенно то место, где говорится о переживании мгновения: «Ценность даже совершенно незаметной жизни состоит в переживании мгновения как любви ко всему». В последнее время переживание мгновения стало для меня важнейшей задачей в жизни, тогда как в предыдущие годы это было одним из сложнейших, точнее, самым сложным делом. Взять, например, мою работу. Я начала работать несколько лет назад, и почти всегда во мне преобладала неудовлетворенность, недовольство тем, чем я занималась. Я начинала каждый новый год, говоря себе, что вот теперь-то ко мне наконец придет долгожданное признание. Время шло, а признания все не было, тогда как мои разочарованность и озлобленность усиливались, ведь каждый год я жила в ожидании следующего, совершенно не принимая в расчет настоящее мгновение. Мне казалось, самое трудное на свете – доверяться. Я много просила о способности жить мгновением и встречать настоящее лицом к лицу. Часто в слезах, рассерженная и во многом разочарованная, я, хотя это и было тяжело, не отходила от компании и от друзей, которые больше других помогали мне переживать мои сложности. В многочисленных диалогах с ними у меня складывалось впечатление, что я никуда не двигаюсь, застыла на одном месте, и что мое сознание никак не менялось. От этого мне становилось очень больно. На днях я говорила с одной коллегой, и она спросила о моих планах на следующий год. Меня поразило, что я не ничего не запланировала на будущее. Впервые в жизни меня по-настоящему интересовало, как жить настоящим моментом. Я спросила саму себя, как такое возможно, это казалось волшебством. Но потом я поняла, что никакого волшебства не было, а был результат работы, которую я совершала почти бессознательно. Год за годом я просила о том, чтобы научиться по-настоящему доверяться, подобно Марии, быть полностью открытой, а не только до определенной степени, как я всегда делала. Все это прошло через тысячи вопросов, через многочисленные разговоры. Крайне важно было понять, что не нужно оставлять в стороне мои вопросы, мое желание блага и свершения в работе, что единственное действительно стоящее занятие – смотреть на них сквозь призму страданий, озлобленности в отношении судьбы, которая, по сути, не принадлежит мне. Я свободно жила с моим вопросом, ни от чего не отмахиваясь, не возмущаясь своей усталостью и тем, что как будто топталась на месте, и это в конце концов позволило мне задышать полной грудью и взглянуть на «трещину» во мне почти с симпатией. Так я смогла, наконец, жить настоящим мгновением.

Вот к какому глубокому изменению способна привести Церковь. Человек может знать все, но не присутствовать в настоящем, никогда не жить текущим мгновением и всегда испытывать трудности в отношении с самим собой. Не нужно недооценивать эти знаки Того, Кто делает настоящее настоящим. Нет ничего менее самоочевидного. Мне часто вспоминается один роман Грэма Грина, в котором главный герой говорит о себе: «Для меня нет настоящего – оно либо в прошлом году, либо на будущей неделе». Что может быть драматичнее: никогда, даже на мгновение, не совпадать с самим собой. Поэтому, когда человек с удивлением замечает, что живет настоящим иначе, мы понимаем, какая истина достигает нас благодаря присутствию Церкви, в которое мы погружены. Год за годом нам может казаться, будто мы ни на шаг не сдвинулись, поскольку все происходит согласно срокам и замыслу, установленным не нами. И только тот, кто осознанно доверяется, понимает, что все меняется именно вследствие этого доверия, а не по волшебству. Мы говорим о росте самосознания, о развитии жизни. Это касается и одного из аспектов нашей жизни, особенно актуального сейчас – политики, выборов.

Вот мы и добрались до выборов...

Они наступят, без опозданий!

Так случилось уже множество раз с тех пор, как сорок лет назад (сейчас мне шестьдесят пять) я встретил Движение. Но сейчас я замечаю, что по благодати моя позиция изменилась. Грубо и слегка иронично обобщая, я могу сказать, что вместе со многими друзьями мы, дети шестьдесят восьмого года, прошли различные этапы пути. Вначале я следовал (часто неохотно) указаниям Движения о том, за какую партию голосовать и (еще менее охотно) – за каких конкретно кандидатов в этой партии. Затем я поддерживал людей из Движения, вовлеченных в политику, потому что они были «нашими». Разве можно не поддерживать «наших»? Следующий шаг заключался в поддержке тех, кто отстаивал наши дела и инициативы, поскольку «дела представляют собой парадигму присутствия в обществе». Да здравствуют дела везде и всегда! Впоследствии возможности выбирать расширились. Мне казалось, нужно попытаться соотнести себя с кандидатами, понять, кто тебе ближе, кто утверждает основополагающие принципы жизни итальянского и европейского общества. Тогда я «отлавливал блох» в людях и в политических программах: этот получше, тот похуже, но, возможно, вот тот еще более хорош, потому что он сказал... Сегодня все перечисленные позиции кажутся мне непродуктивными, тыловыми, поскольку, по сути, меня в них нет. Но я ничего не отрицаю из моего прошлого, даже напротив, я острее ощущаю благодарность за тот путь, который Движение позволило мне проделать. Итак, сегодня, наблюдая, какой взгляд ежедневно предлагает нам мир политики, я так и хочу сказать словами нашего друга заключенного, про которого ты часто нам напоминаешь: «Они не могут вести себя иначе, потому что к ним никто и никогда не относился так, как отнеслись ко мне». То, что для меня очевидно, от них бесконечно далеко, поскольку они не пережили опыт, в рамках которого расцвело их «я». Если говорить конкретнее, меня особенно поражает, как все систематически обходят стороной два аспекта. Во-первых, прочтение нынешней ситуации. Ограничусь лишь тремя пророческими воззваниями папы Франциска. Никто не берет в расчет и, следовательно, не объявляет отправной точкой всякого своего действия, что: мы находимся в состоянии третьей мировой войны, разворачивающейся по частям; система экономики трещит по швам, потому что зиждется на эксплуатации ресурсов и на производстве отходов, истощающих народы и планету; миграционные потоки – глобальное и неостановимое явление. Во-вторых, индивидуализация субъекта, способного встречать проблемы лицом к лицу. Папа и тут не перестает призывать нас к тому, чтобы мы не перекладывали ни на кого нашу ответственность, а несли ее и стоящие перед нами задачи лично как народ, в смысле единства неповторимой свободы каждого из нас. Политика же продолжает предлагать решения, основанные на убеждении, что она сама является единственным возможным субъектом изменений. Результатом такой двойной слепоты является шизофрения, к которой все мы ежедневно приобщаемся. Сегодня, однако (и в этом для меня состоит новизна), я ощущаю не возмущение и не собственное бессилие, а побуждение встречаться с политиками, вступать с ними в диалог, но не для того, чтобы, как раньше, пытаться извлечь какую-то выгоду или надеяться, что удастся (маловероятно) выжать из общения схожие взгляды на экономику, нравственность, культуру... Сколько раз мы разыгрывали этот гнетущий спектакль! Любая подобная позиция глубоко проигрышна, поскольку ожидает чего-то «от» политики. А все на самом деле с точностью наоборот. Политики, как и все люди, нуждаются во мне, в нас, потому что, не пережив лично опыт новизны, они никогда не смогут увидеть, понять, а значит, и действовать иначе. Это полный переворот представления о политике, которое, как я убеждаюсь, прочно укоренено во мне и в обществе. Согласно ему, политика воспринимается как некое божество, перед которым человек должен простираться ниц. Для меня же проблема политики стала интересной, потому что, если я участвую в ней в качестве главного героя, она доходит до самой сердцевины существования и становится возможностью признать безоружную победу Христа, меняющего всех и вся, свободным, легким, креативным присутствием, в рамках которого ты уже никому не раб, ибо связан с Тем

Единственным, Кому только и стоит служить. Спасибо, бесконечное спасибо тебе за твое отцовство.

Это лишь один из примеров пути человека, принадлежащего к христианской общине, принимающего любые вызовы, пути, который ведет его к более ясному самосознанию, перед которым разоблачаются, разрушаются все идеологические притязания политики. И нам не нужно больше идти на попятный, поскольку мы можем смотреть на них новым взглядом и вносить нашу лепту, преодолевая искушение, которое нередко имеет место, в том числе среди нас, когда мы не возражаем в самосознании, – искушение утратить интерес к проблеме. Об этом напомнили епископы Ломбардии в документе, опубликованном в преддверии выборов. Этот личный путь связан с путем, проделанным нами в Движении.

Мне кажется, личному пути соответствует объективный путь, пройденный Движением в последние годы. И если мы упустим его из виду, то потеряем часть истории Италии, а не только нашей. В стране, где все сведено до уровня бурной полемики, наш вклад заключается в переходе от защиты наших людей и наших дел к попытке служить общему благу, деятельной совместной жизни, к реальному управлению. Вот в чем политическая ценность последних лет, которые я хотел бы описать в четырех пунктах. Первый пункт – письмо Каррона, опубликованное в газете Repubblica 1 мая 2012 года и позволившее нам начать заново. В нем признавались наши ограничения и в то же время – то, положительное, что мы могли предложить миру. Второй важный пункт – приезд президента Наполитано, а затем и Маттареллы на Митинг в Римини. Оба они в эти годы свидетельствовали о том твердом стержне, который еще остался в политических партиях, погруженных в заботы об экономическом крахе, о разделениях, способных привести нашу страну к окончательному упадку нашей страны. Их выступления на Митинге стали основополагающими для их собственного пути. Наполитано говорил, о том, что нужно продолжать строить Италию с низов в стремлении к общему благу. После переизбрания он повторил эту мысль, вновь затронул эту тему. Маттарелла напомнил что демократия – это «мы», переход от «я» к «мы» позволяет нам смотреть в будущее. Таким образом, у нас с ними сложился диалог по важнейшим вопросам. Параллельно – и это третий пункт – в эти сложные годы мы продолжали развивать инициативы, которые могут служить примером созидательности для всех (продовольственный банк, AVSI, «Комету» и т.д.). Мы не переставали обращаться к тем, кто работает, говоря о важности созидания и труда. Мы неизменно подчеркивали принцип субсидиарности, утверждали, что Италию можно строить только сообща, на основании идеала, воплощенного в нашей жизни, с низов, тогда как все остальные занимаются анализом ситуации и игнорируют реальность. Четвертый пункт – многочисленные презентации книги Каррона «Безоружная красота», в которых мы были открыты на триста шестьдесят градусов, что позволило Каррону встретиться с ключевыми фигурами, представляющими светскую мысль, с людьми, очень далекими от нас, которые однако соглашались с тем, что самое важное для нынешней политики – помощь в порождении субъекта, точкой опоры которого является изумление, открытость, любовь к идеалу, вера. Это то, о чем свидетельствует книга Каррона и многочисленные его статьи, опубликованные в ежедневных изданиях (например, письмо в газете Repubblica с заголовком «И в политике другой является благом»). Без этого невозможна совместная жизнь. Все это означает, что в настоящий момент, когда нужно выбирать, мы не можем забыть о нашей роли в политике, засвидетельствованной Движением, поскольку, как мы читали в листовке с речью папы в Чезене («Политика – существенная составляющая жизни общества»), именно в этом заключается наша роль в обществе, исполняемая перед всеми ради общего блага и принимающая форму конкретного, а не спиритуалистского присутствия, с которым каждый может встретиться.

В последние годы и студенты тоже пытались отталкиваться от опыта, который они переживали, и в результате приходили к выводам близким к тем, о которых говоришь ты. Перед Рождеством я спросил у них, чем они живут на своих факультетах и как это помогает им в подготовке к грядущим выборам.

Чтобы ответить на этот вопрос, мы посмотрели на путь, пройденный в последние годы. Один студент рассказывает: «Год с лишним назад в студенческий совет поступило предложение от правления университета, вносившее существенные изменения в учебное расписание. Мы, студенты, были с ним не согласны. Меня поразила разница в отношении – нашем и представителей других студенческих объединений, заслуживающих уважения, умных, способных к точному мышлению. Они были рассержены и недовольны и настаивали на отрицательном ответе. Мы же решили выяснить, каковы подлинные потребности университета. В результате ректор, увидев, как мы действуем, привлек нас к разработке расписания, попросив нас прежде всего указать, каковы всеобщие основополагающие нужды. После нескольких месяцев работы у нас получилось подготовить хорошую реформу, имеющую в виду интересы всех в университете. Меня поразило, что представители других студенческих объединений постепенно отходили от первоначальной реакции и тоже включились в процесс. Отличие людей, задействованных в нем, сыграло решающую роль в учете всех аспектов. Это был подлинный интерес к общему, а не к собственному благу, тот, к которому призывал папа в речи в Чезене, это была позиция открытости и отождествления себя с другими. И именно они, на мой взгляд, создают больше, чем все остальное. Увидев это, я уже не могу не помнить об этом и в виду предстоящих выборов». На моем факультете также была предпринята попытка исходить из реальных потребностей. Мы заметили, что студенты вынуждены после обеда учить предметы прошлых лет, а не то, о чем они слышали на лекции утром. Мы рассказали об этой проблеме ребятам из других объединений и вместе с ними разработали решение. Мы изучили нормативные документы и поговорили с преподавателями, в результате чего представили наше предложение по реформированию учебного процесса. Спустя два года проект провалился. Наш мандат истек, и нам не удалось добиться изменений. Однако время не было потрачено зря. У нас завязались добрые отношения с ребятами из студенческой группы, созданной специально, чтобы выгнать представителей Движения из органов правления. Теперь они стали нашими друзьями. Кроме того, в нас выросло сознание о том, что можно принимать любой вызов и не зависеть от результатов. Наша группа стала домом для всех, местом встречи. На наши собрания приходят представители других объединений, и это неслучайно». Еще один человек пишет: «Все это – плод невообразимых отношений дружбы, родившихся в ходе работы на совете факультета, на заседаниях и во время прошлых выборов. Один человек из другого объединения спросил у нас, не хотим ли мы с ним углубленно подготовиться к референдуму, проходившему в Ломбардии 22 октября прошлого года. Он просто хотел разобраться в ситуации. Несколько месяцев назад мы с ним с трудом здоровались, когда встречались в коридорах, и вот он попросил меня работать вместе! У меня тоже есть такое же желание, и я следую за ним. Мы последовали за тем парнем в начатой им работе. Наше единство – историческая и культурная новизна, от которой выигрывает весь университет. Почему с государственными выборами должно быть иначе?» Серьезное отношение к потребностям и нуждам порождает неожиданные отношения не только между студентами, но и с преподавательским составом. Вот пример: «Мы организовали встречу, чтобы разобрать последние изменения в законе о преподавательской деятельности. Еженедельно мы встречаемся с преподавателями и представителями администрации, чтобы понять, как лучше подготовиться к новым экзаменам. Я бы никогда и представить не мог то, что случилось на последнем собрании в деканате. Мы пошли туда, чтобы только сообщить декану о предстоящей встрече. Услышав это, он тут же сказал только одну вещь: “Отличная

идея, дайте знать, когда она состоится, чтобы я понял, могу ли и я прийти”». Перечисленные факты свидетельствуют о возможности в различных обстоятельствах занимать инаковую позицию. Одна подруга говорит: «Вопрос в том, варюсь ли я в своем соку или же начинаю действовать. Когда я, уставшая, возвращалась с университетских собраний, единственное, чего мне хотелось, это пообедать с людьми, которых я хорошо знаю, чтобы хоть немного передохнуть. Но, стоило мне войти в столовую, и мои подруги предлагали мне пойти и сесть за стол вместе с малознакомыми людьми. Предвыборная кампания стала для меня хорошей возможностью. Она помогла смотреть на все широко раскрытыми глазами, замечать происходящее, видеть девушек, завтракающих в столовой утром, когда никому не хочется разговаривать, замечать однокурсника, сидящего рядом на лекции, иметь в виду все, что есть в университете». Многие из нас открывают для себя тот факт, что вовлечение в политическую жизнь – это прежде всего возможность проверить нашу веру. Эта проверка рождает в нас воодушевление и интерес ко всему, в том числе и к выборам, как рассказывает студент из Политеха: «Я хотел организовать встречу с друзьями из Движения, чтобы рассказать, за что мы голосуем, как устроен закон о выборах, кто баллотируется, как изменилась расстановка сил в последние годы, на что я обращаю внимание, чтобы решить, за кого голосовать. Все эти годы в университете Движение учит меня не терять ничего из происходящего и не смотреть на все со стороны, сложа руки.

Все это попытки действовать, вступать в игру. Не мы решаем, каким образом реальность спровоцирует нас, момент выборов наступает в положенное время. И когда он наступает, многие оказываются в растерянности. В головах нет ясности, и кто-то даже думает воздержаться от участия: «По крайней мере в этот раз, а дальше видно будет», – подсказывают некоторые. Но ведь именно эти обстоятельства представляют собой возможность повзрослеть. Подумайте о том, что мы видели и продолжаем видеть на школе общины: укрепление сознания Церкви осуществляется не за рамками истории, а в условиях конкретных вызовов реальности. Не раз догмат провозглашался именно в результате нарастающей потребности лучше понять тот или иной аспект христианской тайны перед лицом исторических вызовов. И лишь в ходе работы, обсуждения, глубокого постижения удавалось обрести некоторую ясность. Мы не можем действовать иначе. Исторические вызовы, потребовавшие определенной работы от христианской общины, ежедневно побуждают к тому же самому и нас. Именно в такой работе проявляется возрастающее самосознание Церкви. Выборы – одна из возможностей для этого. В нашем распоряжении имеются вспомогательные инструменты: прежде всего, речь папы в Чезене, свидетельствующая, как уже говорилось, о взгляде на политику, полном желания понять, в чем состоит общее благо. Кроме того, доступен текст обращения кардинала Бассетти к итальянской конференции епископов и документ, составленный епископами Ломбардии. Во всех текстах высказано пожелание, чтобы в условиях общей утраты интереса к выборам, мы могли становиться все более сознательными, чтобы помогать вносить ясность в ситуацию, не позволять некоторым фантастическим предвыборным обещаниям увлекать себя и с реалистической позиции смотреть, что можно сделать в настоящий момент истории. Также в них отмечено, что присутствие католиков в различных политических партиях не означает разделения тела Церкви. Все эти тексты, вместе с листовкой, опубликованной «Сообществом дел», крайне полезны для нас на пути к более глубокой сознательности.

Чтобы пользоваться ими должным образом не лишним будет напомнить всем нам некоторые пункты школы общины (и намотать их на ус). Часто мы говорим, что в вопросах политики для нас нет ясности. Посмотрим, о чем писал Джуссани в третьей главе «Религиозного чувства»: «В центре проблемы человеческого познания стоит не какая-то особая способность ума [никто не может отойти в сторону под предлогом недостаточных интеллектуальных способностей]. Чем большей важностью и чем более основополагающим значением обладает для человека какая-либо ценность – предназначение, привязанность, совместная жизнь [или политика] – тем

в большей степени природа наделяет каждого умственными способностями для того, чтобы понять и вынести суждение [любой человек, предстоящий перед реальностью, может познавать ее и выносить о ней суждение на основании исходного, элементарного опыта]. Суть проблемы – это правильная позиция сердца, точное отношение, чувство, занимающее подобающее ему место, нравственность» (Л. Джуссани. *Религиозное чувство*. М.: Христианская Россия, 2004. С. 34–35). Эта мысль связана, как мы уже видели, с миссией Церкви в отношении земного человека: Джуссани напоминает нам, что роль Церкви на сцене мира совпадает с ролью Самого Иисуса. Она призвана воспитывать религиозное чувство, то есть пробуждать человеческое «я», «причем под религиозностью... мы понимаем... твердую позицию в сознании и по возможности практическое поведение человека перед лицом его судьбы» (Л. Джуссани. *Зачем Церковь*. С. 166). Такая позиция и такое поведение должны активизироваться не только в виду выборов, к ней мы постоянно приучаемся, будучи приобщенными к телу Церкви, и это видно в том числе и по тому, каким образом мы участвуем в выборах. «Итак, Церковь подталкивает “к правильной позиции” по отношению к самим себе и к существованию, призывает, как в жизни многоопытная мать, к реализму, к поведению, не забывающему об истинном положении вещей» (*Там же*. С. 171), а не к вере в призраков и в невозможные решения. «Церковь не имеет непосредственной своей целью разрешение проблем, встречающихся на человеческом пути [потому и Движение этим не занимается]. Мы видели, что своей ролью в истории она объявляет воспитание религиозного чувства, [помогающее]... занять правильную позицию по отношению к реальности и задаваемым ею вопросам, правильную позицию, которая представляет собой наилучшие условия, чтобы находить более верные ответы на эти вопросы» (ср. *Там же*. С. 174–175). Каковы же проблемы? Культура, любовь, работа, политика. Решение таких проблем «не может быть изъято из сферы свободы и творчества человека, как если бы Церковь брала на себя обязательство давать ему уже готовые решения [не в этом миссия Церкви], поскольку тем самым она не исполняла бы своих исконных воспитательных задач и лишала бы ценности время, которое человек, вовлеченный в “исторический” замысел Бога, также призван считать глубоко “священным”». «Если бы Церковь ставила своей целью сломить человеческое стремление к успеху, самовыражению, поиску [позволяя нам ничего не делать], то, если вновь использовать образ матери, она поступала бы, как те родители, которые питают иллюзии, будто могут разрешить проблемы своих детей за них» (ср. *Там же*. С. 174–175). Если такой подход не работает в отношении с вашими детьми, так почему же вы просите того же самого от Движения или от Церкви? Перед каждым из нас стоит задача, каждому даны инструменты, и каждый сам должен вступить в игру. В жизни Церкви действуют те же законы, что и в человеческой жизни. И потому вопрос заключается в том, каким образом мы реагируем на вызов в виде выборов, если учитывать, что наше «я» порождается именно в христианской общине. Какие нужды мы замечаем вокруг себя? Чем больше и яснее мы видим нужды, тем лучше понимаем, как ответить на них. В противном случае мы потерпим поражение по всем фронтам. Позволяем ли мы нуждам, которые мы однажды признали подлинными, провоцировать нас? Это вопрос не для специалистов, посвящающих себя служению общему благу: он касается самой природы христианина. Вот почему выборы – это возможность проверить нашу веру через наш подход к нуждам, через то, позволяет ли наше переживание веры интересоваться всеобщими проблемами. Все это – часть проверки того, чем мы живем. Месяц назад мы уже посмотрели, что значат для нас дела милосердия. Сейчас у нас есть возможность еще раз проверить нашу веру в том, как мы подходим к выборам: наблюдаем ли мы за ними со стороны или являемся их непосредственными участниками. В следующий раз расскажем друг другу о нашем опыте.

Школа общины состоится 21 февраля. Продолжаем работать над третьей главой (пункты «Не все в Церкви догмат» и «Направление пути в самосознании Церкви», с. 197–203).

Не забывайте обо всем, что мы сказали сегодня насчет выборов, это поможет вам в проверке того, о чем мы говорим.

Veni Sancte Spiritus